

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.11

EDN: NDOZAF

ВЛИЯНИЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ТРУДА В РОССИИ

Акьюлов Р. И.

Уральский институт управления РАНХиГС, Екатеринбург, Россия

E-mail: akyulov-ri@ranepa.ru

Акьюлова Е. И.

Уральский институт управления РАНХиГС, Екатеринбург, Россия

E-mail: akyulova-ei@ranepa.ru

Для цитирования: Акьюлов Р. И., Акьюлова Е. И. Влияние нелегальной миграции на региональные рынки труда в России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 148–161. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.11>. EDN: NDOZAF.

Аннотация. В статье раскрываются проблемы влияния нелегальной миграции на региональные рынки труда и увеличения теневой занятости, которые оказывают отрицательное влияние на экономику регионов. Дается анализ негативных факторов и аспектов нелегальной миграции. Представлены и проанализированы официальные статистические данные о количестве правонарушений, совершенных иностранными мигрантами, о теневой занятости в стране, а также данные исследований Института общественных наук РАНХиГС, касающиеся частоты проявления склонности к нелегальной деятельности и вовлеченности работников в теневой рынок труда в России. Теневой сектор экономики является очень привлекательным для экономически активного населения и каждый год пополняется новыми группами наиболее активных, молодых участников экономической деятельности по мере их взросления и вхождения в трудоспособный возраст в результате осознанной стратегии предприимчивых людей, не желающих платить государству значимую часть своих доходов в виде налогов и социальных взносов, а также наемных работников, которые частично или полностью заняты в теневом секторе экономики, частью которых являются трудовые мигранты. В данной статье в качестве объекта исследования выступает региональный рынок труда на примере Свердловской области, а в качестве предмета – характер влияния нелегальной миграции иностранных граждан и россиян, проживающих в других регионах, приезжающих в рассматриваемый регион и осуществляющих в нем нелегальную предпринимательскую и трудовую деятельность. В исследовании представлена типология нелегальной миграции, критерием которой выступает характер ее влияния на региональный рынок труда. Проведен анализ причин воспроизводства теневой экономики, увеличения количества экономических субъектов, функционирующих в теневом секторе, присоединение к нему новых видов экономической деятельности, что способствует увеличению в нем оборота капитала и отрицательно влияет на экономическую безопасность России. Анализируются негативные тенденции в социально-трудовой сфере в связи с трудовой миграцией, факторы, способствующие росту теневого сектора. Дана оценка влияния нелегальной миграции на региональные рынки труда. Предложен комплекс мер по борьбе с коррупцией, теневой экономикой, направленных на минимизацию нелегальной миграции, теневого и развитие официального рынка труда, как на региональном, так и на федеральном уровне.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, нелегальная миграция, теневая занятость, трудовые мигранты, правонарушения иностранных мигрантов, государственная миграционная политика.

Введение

В последние годы на рынках труда в российских регионах накопилась масса проблем, обусловленных увеличением размеров теневой экономики, пандемией, вызванной COVID-19, вынужденным спадом деловой активности, локдауном. Наблюдается экономическая стагнация в большинстве регионов, а в более развитых регионах экономический рост практически незаметен. В большей части регионов страны происходит настоящая депопуляция и снижение численности трудоспособ-

ного населения. Исключение составляет Москва, Московская область, Санкт-Петербург и северокавказские республики.

Происходит кумуляция негативных трендов – от роста теневой экономики, заболеваемости и пандемии, сковывающей экономическое развитие, до банального вымирания населения, что приводит к еще большему сжатию совокупного спроса и, следовательно, к экономическому спаду. Вместе с тем в экономике страны еще с советских времен существует теневой сектор, который и без криминальных видов деятельности характеризуется такими чертами, как устойчивость его воспроизводящих неформальных институтов, высокий уровень адаптивности к изменяющимся условиям, активное распространение и проникновение во все сферы экономики и общественных отношений.

Двойственный характер данного явления не раз отмечали экономисты, специалисты, занимающиеся проблемами теневой экономики, которая, с одной стороны, наносит безусловный вред бюджету страны, государства, уменьшая объем налоговых поступлений, а с другой – дает отчасти положительный эффект в периоды перманентных экономических кризисов, проявляющийся в обеспечении занятости, сохранении бизнеса предпринимателей и стабилизируя уровень доходов населения. Если приводить официальные статистические данные, то доля теневого сектора в российской экономике имеет величину, превышающую аналогичный показатель в развитых странах. В докладе Международного валютного фонда представлены результаты исследования теневой экономики в 150 странах. «При этом в общем рейтинге Россия занимает 49 место, с долей теневой экономики равной 38,4% ВВП» [1, с. 163].

Серьезным вызовом для российских регионов стала высокая смертность, а в условиях пандемии, вызванной вирусом COVID-19, еще и рост смертности населения в трудоспособном возрасте, усугубив вымирание экономически активных мужчин. Целесообразно проанализировать проблемы развития рынка труда, воспроизводства человеческих ресурсов, занятости населения, трудовой миграции и их нелегальных форм на региональном уровне, поскольку «регион, являясь своеобразной «узловой» точкой, несет двойной груз ответственности (региональный и федеральный компоненты) за обеспечение оптимальных условий развития человеческих ресурсов, сбалансированности численности рабочих мест и специалистов» [2, с. 102].

Ситуация на рынке труда и миграция (на примере Свердловской области)

Разберем ситуацию на примере такого типичного российского региона, как Свердловская область. В последние годы в большинстве российских регионов и в Свердловской области, в частности, наблюдается ухудшение демографической ситуации, падает рождаемость, повышается смертность, продолжается старение населения, в 2020 г. негативный вклад внесла пандемия, вызванная вирусом COVID-19 (табл. 1).

Следует отметить, что в Свердловской области, являющейся типичным представителем российских регионов, практически по всем характеристикам, включая демографические и социально-трудовые, начиная с 2016 г., наблюдается естественная убыль населения. В 2017 г. убыль выросла пятикратно относительно 2016 г., а в 2020 г. произошло двукратное увеличение, когда смертность превысила рождаемость в 1,5 раза. Можно, конечно, рассчитывать на то, что в ближайшем будущем благодаря широкому распространению в экономике технологий искусственного интеллекта многие занятые работники «в результате процессов роботизации потеряют рабо-

ту, в первую очередь, в промышленном производстве, розничной торговле, сфере транспорта, государственном управлении, сельском хозяйстве, строительстве» [3, с. 35]. А поскольку роста численности трудоспособного населения при данной тенденции не произойдет, то удастся избежать взрывного роста безработицы. Однако пока такая картина в среднесрочной перспективе для российской экономики не выглядит очевидной. Ряд специалистов, оценивая сложившуюся ситуацию, утверждает, что «одна из важнейших функций семьи – репродуктивная – также претерпевает негативные демографические изменения для общества. Тенденция к снижению рождаемости в России привела к появлению новой социальной нормы – бездетности» [4, с. 57].

Таблица 1.

Динамика показателей естественного движения населения Свердловской области в 2008–2020 гг.

Table 1.

Dynamics of natural population movement indicators in the Sverdlovsk Region in 2008–2020

Год	Число родившихся, чел.	Число родившихся на 1000 чел. населения	Число умерших, чел.	Число умерших на 1000 чел. населения	Естественный прирост / убыль (-), чел.	Естественный прирост / убыль (-) на 1000 чел. населения
2008	54 364	12,6	64 702	15,0	-10 338	-2,4
2009	56 323	13,1	63 045	14,6	-67 22	-1,5
2010	57 540	13,4	61 486	14,3	-3 946	-0,9
2011	58 038	13,5	60 814	14,1	-2 776	-0,6
2012	61 649	14,3	60 155	14,0	1 494	0,3
2013	62 229	14,4	59 266	13,7	2 963	0,7
2014	62 600	14,5	60 386	14,0	2 214	0,5
2015	62 232	14,4	61 222	14,1	1 010	0,3
2016	59 840	13,8	60 831	14,0	-991	-0,2
2017	53 386	12,3	57 685	13,3	-4 299	-1,0
2018	50 254	11,6	58 511	13,5	-8 257	-1,9
2019	46 039	10,7	57 392	13,3	-11 353	-2,6
2020	44 343	10,3	67 381	15,7	-23 038	-5,4

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата¹

Возрастная структура человеческих ресурсов в регионах отражает заметное старение населения. Например, в Свердловской области с 2016 г. каждый год росла доля населения старше трудоспособного возраста, с одновременным снижением доли населения в трудоспособном возрасте. Лишь в 2020 г. доля населения старше трудоспособного возраста выросла на 0,9% за счет увеличения возраста выхода на пенсию у мужчин с 60 до 65 лет, у женщин – с 55 до 60 лет (табл. 2). В результате с каждым годом все более актуализируется проблема обеспечения экономики региона трудовыми ресурсами, решение которой предполагает более активное использование трудовых

¹ Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области [сайт]. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/29698> (дата обращения: 10.03.2022).

мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Внутренние трудовые мигранты, с одной стороны, для работодателей предпочтительнее, поскольку у них нет языкового барьера, их знания и навыки формировались в парадигме советской (российской) образовательной системы, как общего, так и профессионального среднего и высшего образования, они также обладают знанием норм и правил трудового и социального взаимодействия. С другой стороны, мигранты из стран с более низким уровнем жизни, чем в России, несмотря на отсутствие у них преимуществ работников-россиян, могут быть более привлекательными, т. к. они менее требовательны к уровню вознаграждения за труд, к условиям труда и отдыха и редко требуют официального трудоустройства.

Таблица 2.

Численность населения Свердловской области по полу и возрастным группам на 1 января 2016–2020 гг.

Table 2.

Population of the Sverdlovsk Region by sex and age groups as of January 1, 2016–2020

Все население	2016 г.		2017 г.		2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%
	4 330 006		4 329 341		4 325 256		4 315 699		4 310 681	
в т. ч. в возрасте, лет:										
0	61 891		59 490		53 149		50 052		45 881	
0–14	768 440		788 620		799 365		804 959		805 518	
0–17	881 204		902 570		919 423		931 018		937 279	
16–29	748 488		708 233		669 529		638 871		617 286	
15–49	2 049 530		2 030 141		2 016 233		2 002 920		1 996 194	
50–54	288 262		270 893		256 829		246 693		242 903	
55–59	320 568		318 926		313 553		303 482		289 934	
60–64	298 085		297 591		297 048		298 176		295 050	
65–69	224 505		238 345		248 396		258 936		262 571	
70 лет и старше	380 616		384 825		393 832		400 533		418 511	
население в возрасте:										
моложе трудоспособного	806 507	18,6	827 782	19,1	841 741	19,5	849 064	19,7	850 470	19,7
и трудоспособном	2 438 394	56,3	2 400 067	55,4	2 367 093	54,7	2 337 774	54,2	2 375 450	55,1
старше трудоспособного	1 085 105	25,1	1 101 492	25,5	1 116 422	25,8	1 128 861	26,1	1 084 761	25,2

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата²

В экономически развитых странах в той или иной степени также имеются проблемы, связанные с демографическим спадом, старением населения, обусловленным снижением рождаемости. «Поскольку уровень рождаемости во многих промышленно развитых странах падает ниже уровня воспроизводства, многие правительства проводят политику финансового стимулирования создания семьи» [5, с. 23].

Можно констатировать, что в последние годы в Свердловской области наблюдается негативная тенденция снижения численности населения, человеческих ресурсов, состоящих из экономически активного населения и населения младше трудо-

² Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области [сайт]. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/29698> (дата обращения: 10.03.2022).

способного возраста, что во многом обусловлено неэффективной государственной политикой в социально-трудовой сфере. Таким образом, для экономического развития региона необходимое количество рабочей силы может быть обеспечено в таких условиях миграционными процессами, иммиграцией в регионы жителей других регионов или иностранных работников. Увеличение масштабов миграционных процессов вследствие глобализации экономики, роста объемов производства и перемещения товаров, финансовых ресурсов ведет и к росту нелегальной миграции. Особенно это актуально для России и ее регионов, в которой доля теневого сектора почти сравнялась с объемом официальной экономики, достигая в некоторых сферах 50% ВВП. Любое экономическое развитие не только невозможно, но и обусловлено миграционными процессами.

Таблица 3.

Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по уровню образования и субъектам Российской Федерации в 2020 г.

Table 3.

Distribution of migrants aged 14 years and older by level of education and subjects of the Russian Federation in 2020

	Число прибывших в возрасте 14 лет и старше	В т. ч. имеющих образование:					
		высшее профессиональное (высшее)	неполное высшее профессиональное (незаконченное высшее)	среднее профессиональное (среднее специальное)	начальное профессиональное	среднее общее (полное)	уровень образования не указан
Российская Федерация	6 832 866	1 479 962	526 480	1 641 808	197 526	1 446 086	901 926
Уральский федеральный округ	622 628	118 304	54 046	168 210	18 016	136 054	63 260
Курганская область	47 752	7 178	2 756	12 852	1 156	12 190	3 746
Свердловская область	177 866	31 758	15 542	39 810	5 406	45 440	20 584
Тюменская область	250 844	52 076	25 150	72 464	5 786	45 840	29 600
Ханты-Мансийский авт. округ	118 064	25 422	7 764	33 242	2 940	23 986	14 304
Ямало-Ненецкий авт. округ	46 812	13 100	3 608	13 150	966	7 828	5 746
Тюменская область без авт. округов	85 968	13 554	13 778	26 072	1 880	14 026	9 550
Челябинская область	146 166	27 292	10 598	43 084	5 668	32 584	9 330

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата³

³ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 10.03.2022).

Если рассматривать образовательную структуру прибывающих мигрантов в экономически активном возрасте, то можно констатировать, что в 2020 г. в страну прибыли 21,6% мигрантов с высшим образованием, а в Свердловскую область – 17,8%; со средним профессиональным образованием – 24% и 22,4%, соответственно. Доля мигрантов с начальным профессиональным образованием оказалась 3% как в масштабе страны, так и в масштабе региона (табл. 3). Следовательно, можно констатировать, что в последние годы соотношение прибывающих мигрантов с различным образовательным уровнем стабильно и на региональном уровне примерно такое же, как и в целом по стране. Пятая часть иммигрантов имеет высшее образование, одна четверть – среднее профессиональное, т. е. в совокупности квалифицированные специалисты составляют около половины от всего потока иммигрантов. При этом миграционные процессы сопровождаются таким негативным побочным явлением, как нелегальная миграция. Это свидетельствует об изменении ранее сложившейся ситуации, когда на территорию российских регионов прибывала преимущественно низкоквалифицированная рабочая сила. Во многом это обусловлено реализацией программ подготовки специалистов в странах, откуда прибывают трудовые мигранты, реализуемых на межправительственном уровне Россией и странами Средней Азии.

Помимо позитивного значения внешней и внутренней трудовой миграции имеются негативные аспекты, связанные с нелегальной миграцией, в значительной степени являющейся следствием несовершенного миграционного законодательства и коррупционных правонарушений, осуществляемых должностными лицами, занимающимися вопросами регулирования миграционных процессов.

Проблема нелегальной миграции

Нелегальная миграция – один из основных источников теневой экономики. Незаконная миграция характеризуется Международной организацией по миграции (МОМ) как «перемещение, которое происходит с нарушением законодательства стран отправления, транзита и приема мигрантов. Мигранты с неурегулированным статусом могут подпадать под одно или несколько из следующих обстоятельств: они могут въезжать в страну нерегулярно, например, с поддельными документами или без пересечения границы на официальном пункте пересечения границы; могут проживать в стране нерегулярно, например, в нарушение условий въездной визы или вида на жительство; или работать в стране нерегулярно, например, могут иметь право проживать, но не иметь оплачиваемую работу в стране» [6, с. 29].

Основные причины нелегальной миграции – коррупция в органах государственного управления, относительная дороговизна оформления документов для осуществления иностранцами законной трудовой деятельности на территории России. Специалисты отмечают, что «безвизовый въезд для большого числа трудоспособных граждан и ограничение в виде нерационального использования квот привело к тому, что появились предпосылки к возникновению коррупции в сфере миграции» [7].

Усугубляет ситуацию наличие многочисленных недобросовестных посредников и просто мошенников, предлагающих свои услуги по оформлению вида на жительство, патента или права на работу, делающих фальшивые документы, а также незнание мигрантами русского языка, российских законов, отсутствие межгосударственных программ в области трудовой миграции. Разрабатываемые региональными правительствами квоты на привлечение иностранной рабочей силы полностью не удовлетворяет растущий на нее спрос предпринимателей. Кроме того, сказывается

менталитет мигрантов из стран Средней Азии, когда один паспорт с оформленным видом на жительство и разрешением на работу может использоваться сразу на несколько человек.

По мнению специалистов, «крайне опасны коррупционные преступления, связанные с незаконной миграцией, совершаемые высокопоставленными должностными лицами» [8, с. 68]. Поскольку более высокий уровень занимаемой должности позволяет чиновнику единолично решать вопрос о квотах на въезд мигрантов в страну для трудовой деятельности и разрешений на работу. Этим пользуются коммерсанты, давая взятки чиновникам для получения данной документации.

«Чаще всего субъектами получения взятки в рассматриваемой сфере выступали должностные лица территориальных органов ФМС России: 72,1% осужденных по изученным приговорам о преступлениях, предусмотренных ст. 290 УК РФ, и 48,4% – ст. 291 УК РФ. Также достаточно часто взятка предназначалась должностным лицам органов внутренних дел (участковые уполномоченные, сотрудники ЛОВД, ГИБДД и др.): 18,6% осужденных по изученным приговорам о преступлениях, предусмотренных ст. 290 УК РФ, и 37,1% – ст. 291 УК РФ. Случаи вовлеченности в коррупцию, связанную с незаконной миграцией, должностных лиц иных органов (например, территориальных органов ФССП России, подразделений пограничного контроля ФСБ России» [8, с. 69] менее распространены. Масштабы влияния на экономическую безопасность страны и всю серьезность проблемы иллюстрируют экспертные оценки коррупции в сфере регулирования миграции. В частности, специалисты констатируют, что «совокупные коррупционные доходы в миграционной сфере в России составляют до 30 млрд долл. в год» [9, с. 2].

Нелегальная миграция является сопутствующим элементом развития массовых миграционных процессов, возрастающих в результате глобализации мировой экономики, сопровождающейся увеличением международных потоков капитала, товаров и рабочей силы, влияющей на экономику различных регионов.

«Влияние нелегальной миграции на осуществление социально-экономических изменений, происходящих в российском обществе» [10, с. 18], необходимо оценивать в связи тем, что она стимулирует развитие теневой экономики и обусловлена следующими основными факторами:

- рост коррупции во всех сферах экономики и общественной жизни;
- высокий уровень бюрократизации и неэффективность государственного аппарата управления;
- неэффективная занятость населения и структурный характер безработицы;
- спрос работодателей на нелегальную иностранную рабочую силу из-за возможности экономить на налогах и сборах с заработной платы работников, недоступной для учета фискальными службами;
- падение численности населения в трудоспособном возрасте из-за низкой рождаемости, высокой смертности.

Согласно официальным статистическим данным, «за 12 месяцев 2020 г. территориальными органами МВД России пресечено 40 989 правонарушений, связанных с незаконным осуществлением иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в РФ, что на 40% меньше, чем в 2019 г. Снизилось и число

нарушений правил въезда либо режима пребывания в стране. Всего нарушений выявлено более 204 тыс.»⁴.

Результаты

Очевидно, что нелегальная миграция подпитывает теневой рынок труда и теневую экономику в целом. Так, по сути, проявляются рыночные принципы функционирования экономики – спрос предпринимателей на нелегальную и дешевую рабочую силу рождает предложение рабочей силы наемными работниками. Нелегальные мигранты в этом деле как нельзя лучше подходят, поскольку многие из них не знают русского языка, не могут заплатить за патент, не знают, как официально оформиться на работу.

Согласно точке зрения ряда исследователей, «незаконная миграция является понятием условным, так как на сегодняшний день закон, который определяет уголовную ответственность за миграцию и за ее организацию, отсутствует» [11, с. 628]. По нашему мнению, нелегальную трудовую миграцию следует трактовать как процесс перемещения людей с одной территории на другую с пересечением государственных границ с нарушением законодательства принимающей страны.

«В условиях рыночной экономики полная ликвидация нелегальной иммиграции невозможна, однако реально снижение ее масштабов, для чего необходимы меры урегулирования легальных каналов найма иностранной рабочей силы, что позволит удержать иммигрантов от секторов теневой экономики» [12, с. 46].

Очевидной выглядит взаимосвязь нелегальной миграции, теневого рынка труда и в целом теневой экономики. Нельзя не согласиться с утверждением специалистов о том, что «наличие масштабного контингента нелегальных мигрантов содействует расширению и процветанию теневого бизнеса, предоставляя недобросовестным работодателям непрерывно пополняемый резервуар дешевой рабочей силы» [13, с. 31].

Эти процессы подкреплены действием рыночных принципов экономики – спрос собственников, владельцев бизнеса на рабочую силу, действующую в «тени», сталкивается с готовностью потенциальных работников предложить ее по правилам неформальных социально-трудовых отношений. Поэтому для сокращения объема теневого рынка труда необходимо, прежде всего, создать условия, при которых у представителей бизнеса существенно упадет спрос на рабочую силу по бесконтрактному найму, который в условиях теневого рынка труда является основой формирования социально-трудовых отношений.

Теневой рынок труда представляет собой большое разнообразие форм, но самыми распространенными в современной России являются бесконтрактный найм и несоответствие формальных условий найма фактическим. Такая форма теневого рынка труда, как бесконтрактный найм, очень широко представлена в большинстве секторов экономики, формируя ее теневую часть. Бесконтрактный найм позволяет получать основной и дополнительный доход для нелегальных мигрантов, а также россиян, занятых в теневой экономике. Он достаточно широко встречается в различных сферах российской экономики – от получения дополнительных доходов работников на официальном месте работы, не оформленных должным образом, до полностью неофициального трудоустройства.

⁴ Число нелегально работающих в России мигрантов снизилось почти наполовину в 2020 году // ТАСС. Информационное агентство. 05.04.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11067427> (дата обращения: 28.02.2022).

Эксперты считают, что бесконтрактный найм в основном охватывает слои населения, которые в меньшей мере обладают ресурсами для отстаивания своих интересов: женщины с маленькими детьми, религиозные и национальные меньшинства, низкоквалифицированные рабочие, долговременные безработные, а также переселенцы и беженцы. На формальном рынке труда очень трудно найти работу для этих слоев населения, в итоге теневой рынок труда становится их единственным выбором [14, с.178]. Теневой рынок труда, в свою очередь, является социальным институтом, функционирующим на основе неформальных норм, договоренностей, правил и понятий. В последние годы сохраняются существенные размеры теневого рынка труда.

Опасения специалистов, руководителей регионов вызывает не столько наличие теневого рынка труда, сколько его стабильное функционирование с тенденцией постепенного роста. В целом, по данным исследования Института общественных наук РАНХиГС, доля работников, вовлеченных в некриминальный (не связанный с незаконной деятельностью) теневой рынок труда России, в 2017 г. составила 44,8%, или порядка 33 млн человек. В 2016 г. вовлеченность россиян в теневую занятость составляла 40,3%, в 2013-м – 44,5%, в 2006 г. – 45,1%. Таким образом, после некоторого спада теневая занятость в российских регионах в последние годы вновь начала расти [15].

Нельзя полностью отрицать мнение некоторых экспертов, отмечающих, что ряд эффектов функционирования теневого рынка труда можно расценивать как положительные – от средства получения дополнительного дохода наемными работниками, предотвращения банкротства частных лиц и предприятий, а также повышение уровня жизни населения. Вместе с тем неоспоримым является то, что «во время экономического подъема или в периоды преодоления кризисных явлений существенно увеличивается роль деструктивной функции теневого сектора, а компенсационное влияние становится незаметным» [16, с. 254].

Теневой рынок труда, нелегальная миграция сужают возможности реализации социальных программ и способствуют росту нелегального оборота капитала и рабочей силы, снижению доходной части бюджетов всех уровней в результате снижения собираемости налогов. Это не позволяет в достаточной мере финансировать социальную сферу, включая медицину, образование, науку, спорт. Перспективы индексации уровня заработной платы работников бюджетной сферы, выплат социальных льгот, пенсий и пособий определяются величиной доходной части государственного бюджета, формируемой во многом налоговыми поступлениями, что отражается на уровне жизни социально незащищенных слоев и на экономическом развитии.

Основную массу прибывающих в российские регионы из-за рубежа трудовых мигрантов составляют малоимущие слои населения, направляющиеся на территории, где можно извлечь из продажи рабочей силы большой доход. Они, как правило, не очень грамотны, недостаточно полно владеют языком титульной нации принимающей страны, поэтому у них не такой большой выбор. Условия на новом рынке труда диктует работодатель, который заинтересован в нелегальном характере трудовых отношений с нанимаемыми работниками. Мигрантам приходится идти на условия работодателя, т. к. они не в состоянии отстаивать свои права по причине незнания законов, языка и нежелания сталкиваться с государственными службами. Поэтому многие из них пополняют ряды нелегальных мигрантов.

Нелегальные мигранты являются частью нелегальной рабочей силы, представляющей собой совокупность нерегулярно занятых социальных групп, к которым относятся работники с низкой конкурентоспособностью, имеющие нелегальный

социальный статус по разным причинам, самозанятые предприниматели, а также работники, имеющие официальное рабочее место и дополнительную неформальную занятость. Отдельно стоит выделить группу занятых в криминальной сфере (наркобизнес, торговля оружием, проституция, грабежи и т. д.). Нелегальная миграция всегда сопровождается большим количеством правонарушений, отличающихся лишь степенью тяжести и опасности для общества. В основном это административные нарушения, но примерно 5–6% из них подпадают под категорию уголовных преступлений.

В 2020 г. в стране складывалась следующая картина: «с января по сентябрь 2020 г. в Россию прибыло более 4,3 млн иностранцев. За это время мигранты совершили 25 273 преступления и 466 195 административных нарушений»⁵. Высокий уровень нелегальной миграции и большое количество совершаемых в этой связи правонарушений подтверждают данные официальной статистики и заявления официальных лиц, занимающихся вопросами миграции. В частности, согласно информации главного управления по вопросам миграции МВД РФ, было выявлено «около 800 тыс. нарушителей. В основном речь идет о нарушении правил въезда-выезда, правил пребывания на территории Российской Федерации (превышается срок пребывания в 90 суток). Есть и нарушения в трудовой сфере, когда люди работают без разрешительных документов»⁶.

Выводы

Следует признать, что достаточно сложно оценивать объем и количественные данные нелегальной миграции в регионах. Возможность безвизового въезда из стран Средней Азии и отсутствие четких критериев, маркеров нелегального проживания и экономической активности нерезидентов на территории России не позволяют точно выделить из всего потока прибывающих в страну иностранных граждан из республик Средней Азии тех, кто едет с туристическими, гостевыми или деловыми целями. Отсюда оценки масштаба нелегальной миграции, особенно в регионах, носят в основном экспертный характер. Нелегальное пребывание на территории региона провоцирует незаконопослушных мигрантов к противоправным действиям и правонарушениям. Но стоит отметить, что в Свердловской области, по данным регионального ГУ МВД, в 2021 г. число преступлений, совершенных мигрантами, снизилось на 11,5% в сравнении с 2020 г. – с 896 до 792 правонарушений. Однако в целом по стране миграционная преступность выросла на 5,9%⁷. По экспертным оценкам, в Свердловской области количество нелегальных мигрантов не превышает 10 тыс. В частности, «по примерным подсчетам службы занятости, количество незарегистрированных

⁵ В МВД огласили последние данные по уровню преступности мигрантов // MigraNews. Информационно-новостной канал о миграции. 14.10.2020. URL: https://migranews.ru/articles/news/v_mvд_oglasili_poslednie_dannye_po_urovnyu_prestupnosti_migrantov/ (дата обращения: 25.01.2022).

⁶ МВД в 2019 году выявило порядка 800 тыс. нарушителей миграционного законодательства // ТАСС. Информационное агентство. 28.01.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7619871> (дата обращения: 25.01.2022).

⁷ «Если им не нравится, они не должны жить в нашей стране»: Свердловский губернатор велел разобраться с правонарушениями «южан» // Коммерсантъ. Газета. 17.02.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5218915> (дата обращения: 29.01.2022).

гостей из стран СНГ на территории Свердловской области может составлять порядка 5–6 тыс. человек»⁸.

Такое количество мигрантов не может оказывать существенное влияние на уровень напряженности на региональном рынке труда, где трудится более 2 млн занятых. Вместе с тем численность нелегальных мигрантов может динамично меняться, и само их наличие создает условия для теневой деятельности в среде мигрантов, развития теневой занятости и теневого рынка труда.

Отсюда следует, что для уменьшения масштабов нелегальной миграции и теневого рынка труда необходимо разрабатывать стратегию государственного регулирования рынка труда и занятости населения, интегрировав ее с мерами по совершенствованию миграционной политики на региональном и федеральном уровнях. Предлагаем в рамках данной стратегии осуществлять такие актуальные мероприятия, как:

– системный подход к реализации Национальной стратегии противодействия коррупции (Указ Президента РФ от 16.08.2021 г. № 478⁹) в целях повышения доверия населения к государству;

– повышение прозрачности использования бюджетных трансфертов в социальной политике для стимулирования населения к уплате налогов;

– комплекс мер стимулирующего характера, направленных на повышение социальной ответственности бизнеса и занятого населения;

– повышение эффективности деятельности государственных ведомств по профилактике нарушений трудового, миграционного и налогового законодательства работодателями в связи с предоставлением нелегальных рабочих мест;

– организация современных высокопроизводительных и высокодоходных рабочих мест и снижение уровня безработицы;

– совершенствование системы налогообложения в части создания благоприятных условий для малого бизнеса и самозанятых;

– реализация государственных инвестиционных проектов, позволяющих развивать социально-трудовую сферу, включая создание новых рабочих мест и упрощение процедуры легализации статуса и официального трудоустройства иностранных граждан.

Список литературы

1. Левшукова О. А., Петров Н. Р., Копнина А. И. Анализ масштабов развития теневой экономики в России // Вестник Академии знаний. 2019. № 3 (32). С. 162–167.
2. Акьюлов Р. И. Социально-экономические критерии и показатели воспроизводства человеческих ресурсов региона // Вопросы управления. 2012. № 4 (21). С. 102–105.
3. Акьюлов Р. И., Сквепень А. А. Роль искусственного интеллекта в трансформации современного рынка труда // Дискуссия. 2019. № 3 (94). С. 30–40. DOI: <https://doi.org/10.24411/2077-7639-2019-10029>.
4. Donina O. I., Salikhova A., Aryabkina I. V., Kovardakova M. A., Chernova Yu. A. Normative Models

⁸ Баранова А. Национальный состав изменился: в Свердловскую область снова хлынули мигранты // Царьград. Информационно-аналитический интернет-телеканал. 15.06.2021. URL: https://ckb.tsargrad.tv/articles/nacionalnyj-sostav-izmenilsja-v-sverdlovskuju-oblast-snova-hlynuli-migranty_368397 (дата обращения: 30.01.2022).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // Президент России. Официальное интернет-представительство президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47119> (дата обращения: 30.01.2022).

and Trends in the Development of Intra-Family Relations in Modern Conditions. Amazonia Investiga. 2021. Vol. 10. No. 38. Pp. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.34069/AI/2021.38.02.5>.

5. Kelley H. H., LeBaron A. B., Hill E. J. Family Matters: Decade Review from Journal of Family and Economic Issues. Journal of Family and Economic Issues. 2021. Vol. 42. Pp. 20–33. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-020-09706-8>.

6. Vespe M., Natale F., Pappalardo L. Datasets on Irregular Migration and Irregular Migrants in the European Union. Migration Policy Practice. 2017. Vol. 7. No. 2. Pp. 26–33.

7. Богданова Н. Н. Уголовно-правовая политика государства по борьбе с коррупцией в сфере незаконной миграции // E-Scio. 2019. №7 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-politika-gosudarstva-po-borbe-s-korrupsiyey-v-sfere-nezakonnoy-migratsii>.

8. Красникова Е. В., Павловская Н. В. Состояние коррупционной преступности в сфере миграции // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2018. № 1 (63). С. 65–71.

9. Поставнин В. А. Настроить на лучшее // Миграция XXI век. 2015. № 3 (30). С. 2–3.

10. Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М. К. Миграция и рынок труда / Ю. Ф. Флоринская, Н. В. Мкртчян, Т. М. Малева, М. К. Кириллова; Ин-т социального анализа и прогнозирования. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 108 с. ISBN: 978-5-7749-1042-7.

11. Дубонос С. М., Ковалев А. А., Сороколет Д. А., Алтатииков В. В. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности РФ и странам СНГ // Молодой ученый. 2016. № 13 (117). С. 628–630.

12. Рязанцев С. В., Очирова Г. Н. Методы борьбы с незаконной иммиграцией (опыт США, Евросоюза и России) // Полис. Политические исследования. 2021. Т. 30. № 2. С. 46–63. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.04>.

13. Гончаренко Г. С. Системные взаимосвязи проблем миграции и коррупции // Юристы-Правоведь. 2016. № 7. С. 31–34.

14. Барсукова С. Ю. Теневой и фиктивный рынки труда в современной России // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 174–194.

15. Акьюлов Р. И. Современные тенденции развития теневой занятости в российской экономике // Дискуссия. 2020. № 2 (99). С. 50–57. DOI: <https://doi.org/10.24411/2077-7639-2019-10059>.

16. Перевезенцева Е. В. Теневой рынок труда России: оценка масштаба и сфера распространения // Вестник московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 253–256. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10234>.

Сведения об авторах:

Акьюлов Роберт Ишкалеевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Уральского Института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: akyulov-ri@ranepa.ru; ORCID ID: 0000-0001-5468-7336; РИНЦ Author ID: 256795.

Акьюлова Елена Игоревна, заместитель начальника общего отдела Уральского Института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: akyulova-ei@ranepa.ru; ORCID ID: 0000-0002-0491-8834; РИНЦ Author ID: 569736.

Статья поступила в редакцию 18.02.2022; принята в печать 20.04.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

THE IMPACT OF ILLEGAL MIGRATION ON REGIONAL LABOR MARKETS IN RUSSIA

Robert I. Akyulov

Ural Institute of Management, RANEPa, Ekaterinburg, Russia

E-mail: akyulov-ri@ranepa.ru

Elena I. Akyulova

Ural Institute of Management, RANEP, Ekaterinburg, Russia

E-mail: akyulova@uapa.ru

For citation: Robert I. Akyulov, Elena I. Akyulova. The Impact of Illegal Migration on Regional Labor Markets in Russia. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 148–161. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.11>. EDN: NDOZAF.

Abstract. *The article reveals the problems of the impact of illegal migration on regional labor markets, and the increase in shadow employment, which have a negative impact on the economy of the regions. The paper analyzes negative factors and aspects of illegal migration. The authors present and analyze official statistical data on the number of offenses committed by foreign migrants, on shadow employment in the country, as well as research data from the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences concerning the frequency of manifestations of propensity to illegal activities and the involvement of workers in the shadow labor market in Russia. The shadow sector of the economy is very attractive for the economically active population, which is replenished every year with new groups of the most active, young participants in economic activity as they grow up and enter working age, as a result of a conscious strategy of enterprising people who do not want to pay the state a significant part of their income in the form of taxes and social contributions, as well as employees who are partially or fully employed in the shadow sector of the economy, part of which are migrant workers. The object of the research is the regional labor market on the example of the Sverdlovsk region, and the subject is the nature of the impact of illegal migration of foreign citizens and Russians living in other regions, coming to the region and carrying out illegal business and labor activities. The study presents a typology of illegal migration, the criterion of which is the nature of its impact on the regional labor market. The article analyzes the reasons for the reproduction of the shadow economy, the increase in the number of economic entities operating in the shadow sector, the accession of new types of economic activities to it, which contributes to an increase in capital turnover in it and negatively affects the national security of Russia. The paper considers negative trends in the social and labor sphere in connection with labor migration, factors contributing to the growth of the shadow sector, and assesses the impact of illegal migration on regional labor markets. The authors propose a set of measures implemented within the framework of the state strategy to combat the shadow economy, aimed at minimizing illegal migration, shadow and development of the official labor market, both at the regional and federal levels.*

Keywords: *human resources, illegal migration, shadow employment, labor migrants, offenses of foreign migrants, state migration policy.*

References

1. Levshukova O. A., Petrov N. P., Kopnina A. I. Analysis of the Scale of Development of the Shadow Economy in Russia. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2019. No. 3 (32). Pp. 162–167. (In Russ.)
2. Akyulov R. I. Socio-Economic Criteria and Indicators of the Human Resources Reproduction in the Region. *Management Issues*. 2012. No. 4 (21). Pp. 102–105. (In Russ.)
3. Akyulov R. I., Skovpen' A. A. The Role of Artificial Intelligence in Transforming Today's Labor Market. *Discussion*. 2019. No. 3 (94). Pp. 30–40. DOI: <https://doi.org/10.24411/2077-7639-2019-10029>. (In Russ.)
4. Donina O. I., Salikhova A., Aryabkina I. V., Kovardakova M. A., Chernova Yu. A. Normative Models and Trends in the Development of Intra-Family Relations in Modern Conditions. *Amazonia Investiga*. 2021. Vol. 10. No. 38. Pp. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.34069/AI/2021.38.02.5>.
5. Kelley H. H., LeBaron A. B., Hill E. J. Family Matters: Decade Review from Journal of Family and Economic Issues. *Journal of Family and Economic Issues*. 2021. Vol. 42. Pp. 20–33. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-020-09706-8>.
6. Vespe M., Natale F., Pappalardo L. Datasets on Irregular Migration and Irregular Migrants in the European Union. *Migration Policy Practice*. 2017. Vol. 7. No. 2. Pp. 26–33.
7. Bogdanova N. N. Uголовно-правовая политика государства по борьбе с коррупцией в сфере незаконной миграции [Criminal law policy of the state to combat corruption in the sphere of illegal migration]. *E-Scio*. 2019. No. 7 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-politika-gosudarstva-po-borbe-s-korruptsiyey-v-sfere-nezakonnoy-migratsii>. (In Russ.)
8. Krasnikova E. V., Pavlovskaya N. V. Current State of Corruption Crime in the Field of Migration. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2018. No. 1 (63). Pp. 65–71. (In Russ.)
9. Postavnin V. A. Nastroit'sya na luchsheye [Attitude for the better]. *Migratsiya XXI vek [Migration 21st century]*. 2015. No. 3 (30). Pp. 2–3. (In Russ.)
10. Florinskaya Yu. F., Mkrtychyan N. V., Maleva T. M., Kirillova M. K. *Migratsiya i rynek truda*

[*Migration and labor market*] / Yu. F. Florinskaya, N. V. Mkrtchyan, T. M. Maleva, M. K. Kirillov; Institute of Social Analysis and Forecasting. Moscow: Publishing house "Delo" RANEPa, 2015. 108 p. ISBN: 978-5-7749-1042-7. (In Russ.)

11. Dubonos S. M., Kovalev A. A., Sorokolet D. A., Alpatikov V. V. Nezakonnaya migratsiya kak ugroza natsional'noy bezopasnosti RF i stranam SNG [Illegal migration as a threat to the national security of the Russian Federation and CIS countries]. *Young Scientist*. 2016. No. 13 (117). Pp. 628–630. (In Russ.)

12. Ryazantsev S. V., Ochirova G. N. Is the Fight Against Illegal Immigration Effective (Experience of the USA, European Union and Russia)? *Polis. Political Studies*. 2021. No. 2. P. 46–63. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.04>. (In Russ.)

13. Goncharenko G. S. System Interconnection of Migration and Corruption Problems. *Jurist-Pravoved*. 2016. No. 7. Pp. 31–34. (In Russ.)

14. Barsukova S. Yu. Tenevoy i fiktivnyy rynki truda v sovremennoy Rossii [Shadow and fictitious labor markets in modern Russia]. *Pro et Contra*. 2000. Vol. 5. No. 1. Pp. 174–194. (In Russ.)

15. Akyulov R. I. Current Trends in the Development of Shadow Employment in the Russian Economy. *Discussion*. 2020. No. 2 (99). Pp. 50–57. DOI: <https://doi.org/10.24411/2077-7639-2019-10059>. (In Russ.)

16. Perevezentseva E. V. The Shadow Labor Market of Russia: Assessment of the Scale and Scope of Distribution. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 4. Pp. 253–256. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10234>. (In Russ.)

Bio note:

Robert I. Akyulov, Doctor of Economics, Professor, Department of Economics and Management, Ural Institute of Management, branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPa), Yekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: akyulov-ri@ranepa.ru; ORCID ID: 0000-0001-5468-7336; RSCI Author ID: 256795.

Elena I. Akyulova, Deputy Head, General Department, Ural Institute of Management, branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPa), Yekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: akyulova-ei@ranepa.ru; ORCID ID: 0000-0002-0491-8834; RSCI Author ID: 569736.

Received on 18.02.2022; accepted for publication on 20.04.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.